

A high-angle, aerial photograph of a man and a woman walking away from the camera on a sandy beach. They are holding hands and walking towards the ocean. The man is wearing a white t-shirt and dark shorts, and the woman is wearing a white dress. The ocean is a deep blue with white foam from the waves. The sky is a pale blue. The overall mood is romantic and serene.

Ермолин Вениамин

Между нами вечность

Ермолин Вениамин

Между нами вечность

«Автор»

2026

Вениамин Е.

Между нами вечность / Е. Вениамин — «Автор», 2026

Она похоронила его дважды. Первый раз — когда узнала о его гибели. Второй — когда перестала ждать чуда и позволила себе жить дальше. Она вышла замуж, почти поверила, что счастье возможно. Он появился неожиданно — будто сама судьба столкнула их плечом к плечу. Он смотрит на неё пустым вежливым взглядом, но его руки тянутся к ней, голос срывается, когда она говорит. Тело помнит то, что отказалась помнить голова. Ей нужно вернуть то, что они когда-то забыли, но цена этого возвращения — её сегодняшняя жизнь. Иногда судьба даёт второй шанс. Но не говорит, какую цену за него придётся заплатить.

© Вениамин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ермолин Вениамин

Между нами вечность

Глава 1

Между нами вечность

любовь не умирает вместе с человеком, она живет в сердце, в памяти, в каждом мгновении...

Ермолин Вениамин 24.08.2026

Пролог

Сложнейшая операция успешно завершена. Рабочая смена окончена. Золотые руки хирурга Джейн Милтон вновь сотворили чудо, подарив пациенту шанс на новую жизнь. На операционном столе лежал девятнадцатилетний юноша. У него была диагностирована сложнейшая форма порока сердца. Вот уже на протяжении трёх лет он нуждался в пересадке правого клапана, который пропускал кровь из предсердия в желудочек сердца. В связи с нарушением его работы требовалась как можно более срочная замена. К счастью, донор нашёлся — им оказался сорокапятилетний Стивен Вандер, попавший в жуткую аварию. Шансов на жизнь у него практически не оставалось: мозг и большинство жизненно важных органов отказывали. Но сердце продолжало биться, давая надежду на спасение. В этом случае оставалось лишь проверить и обзвонить родственников для получения согласия на донорство. Однако в связи с отсутствием близких людей Стивена передали в хирургический центр и внесли в базу доноров. Тем самым он подарил второй шанс молодому Уильяму — прожить жизнь, отпущенную ему судьбой, а возможно, и больше. Увидеть заново рассвет, поцеловать маму, которая так сильно переживает за своего единственного сына, вновь обнять друзей, закончить колледж, стать специалистом и встретить любовь всей жизни. А ради чего ещё стоит жить, как не ради близких и любимых? Жизнь даётся лишь раз — и прожить её должно так, чтобы в каждом дне звучал смысл. Именно в этом, пожалуй, и кроется её подлинная ценность.

Операция длилась почти семь часов. Джейн Милтон не позволяла себе ни на секунду расслабиться: каждый надрез, каждый шов, каждый удар крошечного сердца под её пальцами требовал абсолютной точности. Она видела, как бледное лицо Уильяма постепенно начинало наливать слабым румянцем, как монитор рисовал ровную линию пульса — живого, настоящего, победившего смерть. И когда последняя нитка легла на место, она выдохнула. Выдохнула так глубоко, будто всё это время не дышала вовсе. Сейчас, стоя у дверей своего кабинета, Джейн всё ещё чувствовала напряжение в плечах и лёгкую дрожь в кончиках пальцев. Тщательно умывшись, она сняла рабочий халат и повесила его на вешалку за дверь. Бегло оглянула кабинет ещё раз: ничего ли не забыла? — и погасила свет. В очередной раз она покидала главное хирургическое отделение бостонской больницы, чтобы вернуться сюда завтра снова. Но сегодня, выходя на ночную улицу, Джейн вдруг остановилась. Подняла голову к небу — и впервые за долгие месяцы улыбнулась не устало, а светло.

Небо мягко серело, переливаясь пастельными оттенками, а тёплый вечерний ветер касался лица Джейн, провожая её домой. Ровно год назад она затушила последнюю сигарету и дала себе слово — никогда больше. Прошлое лето многому научило: оно было горьким, но необходимым. Оно заставило её позвонить родителям, вспомнить забытую любовь и впервые

за много лет взять в руки кисть. В этой женщине причудливо переплелись нежность дочери и твёрдость хирурга.

Прогуливаясь по Пятой авеню, она заметила кондитерскую на углу — маленькую, старомодную, с витриной, светящейся тёплым светом. Внутри деревянные столики, накрытые белоснежными скатертями, манили присесть и забыть о времени. Старинные часы мерно отсчитывали секунды, а картины с пышными десертами переносили в уют XIX века. Джейн вдохнула густой аромат свежей выпечки и какао и взяла пару нежных эклеров. Вечер обещал быть долгим — они проведут его дома, за чаем, разговорами по душам и, конечно же, с самыми невероятными сплетнями, которые только можно вообразить. По пути домой она глубоко дышала — воздух после дождя казался хрустальным, чистым до звона. Капли ещё срывались с веток и тихо стучали об асфальт, а лёгкий ветерок шевелил волосы, словно провожая её до самого порога.

Уже у дверей Джейн подняла глаза и замерла. В окне, залитом тёплым светом, стояла дочь — и смотрела на неё. В этот миг что-то дрогнуло у Джейн в груди. Маленький, но яркий огонёк зажёгся внутри, согревая тихой радостью и обещанием, что всё будет хорошо.

Глава 1

Эта история началась как сказка — с первой встречи, первого взгляда, первой улыбки. В небольшом городке Ньюпорта, штат Род-Айленд, где находится столица джаза, собираются ежегодно лучшие джазовые музыканты со всего мира. Местные жители в это время посещают ярмарки, наслаждаются музыкой, устраивают пикники и проводят семейные вечера.

Однажды тёплым летним днём случилось маленькое чудо — встретились двое. Такие разные и такие похожие. Билл Уилсон был обычным семнадцатилетним старшеклассником, но внешность его обычной назвать было нельзя. Голубые глаза — яркие, дерзкие, с искорками непокорности — смотрели на мир с вызовом. Тёмные волосы вечно лезли на лоб, и он нетерпеливо отбрасывал их назад, обнажая высокий лоб. Крепкие руки и широкие плечи выдавали в нём фермерского парня, привыкшего к физическому труду, но двигался он с лёгкой, почти неуклюжей грацией, от которой невозможно было отвести взгляд.

Характер у Билла соответствовал внешности — огненный, взрывной, непредсказуемый. Он не умел молчать, когда видел несправедливость, и бросался в бой, не раздумывая. Казалось, сама стихия жила в нём, и любую искру она превращала в пламя. Но за этой вспыльчивостью скрывалась удивительная решимость и верность своим принципам. Билл не отступал — никогда.

На ежегодный джазовый концерт Билл ехать не хотел — но в его семье была традиция: они посещали его все вместе. К вечеру они собрались и отправились в центр. Через час настроение у Билла неожиданно взлетело. Но не джаз разбудил его душу — а она. Самая прекрасная незнакомка на свете. Её звали Джейн.

В тот вечер Билл понял: он должен подойти к ней. Должен заговорить. Но впервые в жизни уверенный до дерзости парень растерялся. Сердце колотилось где-то у горла, а слова рассыпались ещё до того, как он успевал их произнести.

В Джейн было всё — и скромность, и величие. Её нельзя было назвать классической красавицей, но в чертах её лица жило что-то непостижимо притягательное. Глаза — тёмные, глубокие, с золотыми искрами — смотрели на мир с мягкой теплотой. Губы чуть улыбались, а русые волосы струились по плечам, словно лёгкий летний ветер запутался в них. Она казалась живым воплощением природы — простой, настоящей и удивительно сильной.

Джаз мягко струился из динамиков, смешиваясь с шёпотом толпы и звоном бокалов. Билл стоял у края танцпола, сжимая в руке почти нетронутый стакан с лимонадом, и смотрел

на неё. Джейн стояла вполоборота к сцене, слегка покачиваясь в такт музыке, и казалась совсем не замечающей его взгляда.

Он сделал глубокий вдох и шагнул вперёд. Потом ещё один. Сердце билось где-то в горле, но он заставил себя улыбнуться, когда оказался рядом.

— Ты танцуешь лучше, чем любой музыкант здесь играет, — сказал он, перекрывая шум.

Джейн обернулась. Её карие глаза с лёгким удивлением скользнули по его лицу, и уголки губ дрогнули в едва заметной улыбке.

— Ты всегда подходишь к незнакомкам с такими странными комплиментами?

Билл растерянно хмыкнул, но не отступил. Огонь внутри подсказывал: не молчи.

— Только к тем, от кого не могу отвести взгляд. Прости, если это грубо. — Он протянул руку, чуть неуверенно, но с той самой решительностью, которая была его визитной карточкой. — Я Билл.

Джейн посмотрела на его ладонь, потом снова в глаза. Секунду-другую она колебалась — и всё же вложила свою руку в его.

— Джейн, — тихо ответила она. — И если ты сейчас скажешь, что я похожа на рассвет или что-то в этом роде, я уйду. Билл фыркнул, чувствуя, как напряжение отпускает.

— Не волнуйся. Я обычно говорю, что девушки похожи на погоду. Но ты, кажется, — на целый климат. — Он улыбнулся, и в его голубых глазах заплясали лукавые искры. — Это плохо?

Джейн приподняла бровь, пытаясь сохранить серьёзность, но губы предательски дрогнули.

— Климат меняется, Билл. Ты готов к переменам?

Он наклонил голову, чуть подавшись вперёд, словно принимая вызов.

— Я работаю на ферме. Я привык к любой погоде. — Он замолчал, и голос его стал тише, теплее. — Но, если честно, я просто хочу узнать, кто ты.

Джейн встретила его взгляд и на мгновение задержала его в своём. Что-то дрогнуло у неё внутри — тихое, неожиданное.

— Хорошо, — сказала она едва слышно, почти перекрывая саксофоном. — Тогда расскажи мне, Билл с фермы, как ты оказался здесь — на джазе, среди людей, в костюме, который явно не для работы в поле? Он рассмеялся — легко и свободно.

— Это традиция. Моя семья приходит сюда каждый год. Я хотел сбежать. Но теперь... — Он посмотрел на неё с той самой пронзительной искренностью, которая заставляла людей верить ему с первого слова. — Теперь я рад, что не сбежал.

Она улыбнулась. Настоящей улыбкой.

— Тогда, может быть, ты пригласишь меня на танец? — спросила Джейн, чуть склонив голову. — Только не на медленный. Я не умею. Билл протянул ей руку, уже не колеблясь.

— Я тоже не умею. Но разве это важно?

Он повёл её в центр зала, где люди двигались в ритме старого блюза. И в этот вечер джаз звучал только для них двоих — даже если вокруг было ещё несколько сотен человек.

Джейн не знала, что сказать, когда он взял её за руку. Она вообще не привыкла, чтобы к ней подходили вот так — открыто, без тени сомнения, словно он был уверен в ней ещё до того, как услышал её голос. И это пугало. И притягивало одновременно.

Пока они танцевали, она украдкой рассматривала его. Билл двигался неуклюже, иногда сбивался с ритма, но не смущался — лишь улыбался уголками губ, словно танцевать было не главным. Он смотрел на неё так, будто она была центром мира, а музыка, люди, огни — лишь декорации. И в этом взгляде не было притворства: он видел её — настоящую, без масок, даже если они познакомились всего час назад.

Джейн почувствовала, что в груди разливается что-то тёплое, почти забытое. Она не верила в любовь с первого взгляда. Она считала это выдумкой поэтов и сценаристов. Но сей-

час, глядя в его голубые глаза, где плескалась решимость и лёгкое беспокойство, она поняла: что-то начинается. Что-то, что она не в силах остановить. Да и хочет ли?

Когда концерт подошёл к концу, и последние аккорды растаяли в воздухе, толпа начала медленно редеть. Джейн стояла в фойе, теребя край сумочки, и чувствовала, как уходит тепло его руки, которая ещё несколько минут назад сжимала её ладонь. Билл остановился напротив, пряча руки в карманы, и она заметила, как он сжал челюсть — он нервничал. Тот самый уверенный парень, что произнёс комплимент, не моргнув глазом, теперь не знал, как попрощаться.

— Значит, это была традиция семьи, да? — спросила она, пытаясь звучать легко.

Билл кивнул:

— Семейная традиция, и мы стараемся не нарушать. — Он замолчал, посмотрел в сторону выхода, где его ждали родные, а затем снова перевёл взгляд на неё. — Но теперь, знаешь, я буду с нетерпением ждать следующего года.

Сердце Джейн дрогнуло. Она поняла, что он хочет сказать, но отступает. Или боится показаться навязчивым.

— Не обязательно ждать целый год, Билл, — тихо ответила она, и голос слегка дрогнул. Она выдохнула, собираясь с духом, и решительно посмотрела ему в глаза. — Слушай... я учусь на фотрeпиано. У меня занятия до четырёх, кроме среды. Если хочешь — можешь забрать меня после занятий. Я буду ждать у главного входа.

Билл изумлённо моргнул. В глазах зажглась та самая искра:

— Ты серьёзно?

— Ровно настолько, чтобы подойти и заговорить с незнакомцем на джазовом концерте, — усмехнулась Джейн, пряча волнение за лёгкой улыбкой. — В среду у меня последняя пара заканчивается в три. И если ты не придёшь... — она сделала паузу, притворно нахмурившись, — я решу, что ты просто боишься.

Он рассмеялся — громко, открыто, запрокинув голову.

— Боюсь? Я? — Он шагнул чуть ближе, понизив голос до заговорщицкого шёпота. — Джейн, я работаю на ферме с быками и лошадьми. Ты гораздо страшнее, чем они, — и улыбнулся, показывая, что шутит.

Она притворно закатила глаза, но внутри всё трепетало.

— Тогда в среду в три. Главный вход. Не опаздывай.

— Я буду, — ответил он, и в голосе его вдруг исчезла вся шутливость. Осталась только тёплая, чуть хрипловатая серьёзность. — Я буду, Джейн.

Где-то сбоку раздался голос его матери:

— Билл, мы уходим!

Он обернулся, увидел, как семья уже движется к выходу, но всё не решался уйти. Перевёл взгляд обратно на Джейн, и в глазах застыло что-то похожее на обещание.

— В среду, — повторил он, пятясь к двери.

— В среду, — эхом отозвалась она.

Он запрыгнул в машину, и Джейн осталась стоять, глядя, как его силуэт исчезает в вечернем городе, залитом огнями. В груди у неё теплело и трепетало, как в детстве перед самым важным днём в году.

«Что ж, Билл с фермы, — прошептала она в тишину, кутаясь в лёгкий плащ. — Посмотрим, кто из нас кого боится».

Машина мягко катилась по ночным улицам. Билл сидел на заднем сиденье и смотрел в окно, не замечая ни огней, ни прохожих. Перед глазами всё ещё стояла она — Джейн. Её улыбка, её голос, её карие глаза, в которых отражался тёплый свет фонарей. Он сжимал край куртки и чувствовал, как внутри разливается что-то странное: лёгкое, тёплое, почти щекочущее. Он не знал, как это назвать, но точно понимал — этот вечер изменил что-то в нём.

Мама вела машину, время от времени поглядывая на него в зеркало заднего вида. Она молчала, но Билл чувствовал её взгляд. Она всегда умела ждать, пока он сам заговорит.

— Мам, — выдохнул он наконец, и голос дрогнул от сдерживаемого волнения.

— Что, дорогой?

Он помедлил, подбирая слова:

— Я сегодня встретил одну девушку...

Мама чуть заметно улыбнулась, в темноте салона этого не было видно, но Билл знал — она улыбается.

— Я заметила, — ответила она мягко. — Ты весь вечер только на неё и смотрел.

— Её зовут Джейн, — выпалил он, и в голосе его зазвенела та самая искренняя радость, которую она не слышала уже очень давно. — Она играет на фортепиано. Она сказала, что я могу забрать её после занятий. В среду.

Мама слегка прикусила губу, скрывая улыбку.

— И что ты ей сказал?

— Что я приду, — он засмеялся, проводя рукой по волосам. — Конечно, я сказал, что приду.

Она хмыкнула, и Билл услышал в её голосе тёплые, родные нотки:

— Тогда тебе надо быть готовым. Ты же не хочешь прийти к ней с фермы — в рабочей одежде?

Билл замялся, понимая, что она права.

— Я думал... просто надеть джинсы и нормальную рубашку, мам.

— Нормальную рубашку? — она закатила глаза, но сказала это с такой любовью, что он не обиделся. — Завтра едем в торговый центр. Я выбираю тебе рубашку. И не спорь.

— Но, ма-ам...

— Никаких «но», — отрезала она, но голос её оставался мягким. — Это первая девушка, которая тебя так зацепила, Билл. Я хочу, чтобы ты выглядел как король. Даже если идёшь просто забрать её.

Он вздохнул, откинувшись на сиденье.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Но только без этих дурацких галстуков.

Она тихо рассмеялась в ответ.

— Договорились.

Когда они подъехали к дому, Билл выскочил из машины, едва дождавшись, пока та остановится. Он почти бегом поднялся на крыльцо, открыл дверь и, не включая свет, прошёл в свою комнату. Упал на кровать и уставился в потолок, тяжело дыша, словно только что пробежал марафон.

В голове проносились обрывки их разговора: «Ты гораздо страшнее, чем быки», «В среду в три. Главный вход. Не опаздывай». Он закрыл глаза и почувствовал, как сердце снова заби-лось чаще.

Мама вошла без стука, но Билл даже не удивился. Она часто так делала — будто чувствовала, когда он нуждался в её присутствии, даже если сам не признавался.

— Ты в порядке? — спросила она, садясь на край кровати.

— Да, мам. Я просто... — он замялся, подыскивая слова. — Я никогда не чувствовал ничего подобного.

Она провела рукой по его волосам, как в детстве, когда он возвращался из школы расстроенный или уставший. От этого жеста ему стало легче.

— Ты заслуживаешь, Билл, — сказала она тихо. — Заслуживаешь быть счастливым. И я надеюсь, что эта девочка — та самая. Хотя бы потому, что ты улыбаешься как дурачок уже третий час.

Он засмеялся и смахнул её руку, но с улыбкой.

— Мам, ты такая... — он покачал головой, не в силах найти слово.

— Любящая? Заботливая? Невыносимая?

— Ты лучше всех. Правда.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Я люблю тебя, сынок. Завтра в десять едем за рубашкой. Не просп.

— Договорились.

Когда дверь за ней закрылась, Билл снова откинулся на подушку. В комнате было тихо, слышно лишь стрекот сверчков за окном. Он улыбнулся и прошептал в потолок:

— В среду...

Глава 2

Глава 2

Рабочие и учебные будни снова приступили к своей привычной рутине: день сменял ночь, ночь — день. Особенно долго эти дни казались Билу Уилсону, который жил ожиданием того момента, когда сможет вновь увидеть Джейн.

Среда выдалась солнечной и тёплой, будто само небо решило помочь Биллу. Он приехал за двадцать минут до назначенного времени на мамином стареньком пикапе, осторожно припарковался напротив главного входа и заглушил двигатель. Несколько раз провёл рукой по волосам, поправил воротник новой рубашки, которую мама выбрала накануне, и глубоко выдохнул. Машина пахла её духами — ванилью и чем-то цветочным, — и это немного успокаивало, напоминая о доме.

— Ты справишься, — прошептал он себе под нос, сжимая руль.

Мимо проходили ребята — кто-то с книгами, кто-то с наушниками, кто-то с громким смехом и весёлой компанией. Билл смотрел на дверь, не отрываясь, и чувствовал, как сердце колотится где-то у самого горла. Оно билось настолько громко, что он боялся: вдруг все вокруг услышат этот бешеный ритм?

И тут она вышла.

Джейн появилась в дверном проёме — с лёгкой сумкой через плечо, русые волосы чуть растрёпаны, на губах — та самая полуулыбка, которую он запомнил в тот вечер. Она огляделась, и, когда их взгляды встретились, Билл почувствовал, как земля уходит из-под ног.

Она заметила его и улыбнулась уже шире — той тёплой, мягкой улыбкой, от которой у него перехватило дыхание.

Билл выскочил из машины и сделал шаг навстречу, но споткнулся о собственную ногу, едва не упав. Джейн тихо рассмеялась, и этот смех разлился внутри него чем-то светлым, как солнечный свет.

— Привет, — сказала она, подойдя ближе. Голос был ровным, но в глазах плясали смешинки.

— Привет, — выдохнул он и тут же закашлялся, пытаясь скрыть смущение. — Ты... ты выглядишь... — Он замялся, подбирая слова. — Ты выглядишь ещё лучше, чем в тот вечер.

Джейн чуть наклонила голову, разглядывая его, и приподняла бровь:

— А ты выглядишь так, будто готовился к этому дню целую вечность.

— Я готовился, — честно признался он, и она снова рассмеялась.

— Ну что, — она слегка ткнула его в плечо, — ты планировал просто стоять или пригласишь меня куда-нибудь?

Он опомнился и распахнул перед ней дверцу маминой машины, чуть не ударив её о соседний автомобиль.

— Прости, — пробормотал он, и она засмеялась ещё громче.

— Ты всегда такой неуклюжий, Билл, или это только в моём присутствии?

— Только когда вижу самое красивое создание на свете, — ответил он, и в голосе его вдруг появилась та самая искренность, которая умела превращать любые слова в правду.

Джейн на мгновение задержала на нём взгляд, окинула взглядом салон и хитро прищурилась:

— А машина не твоя, да?

Билл застыл на месте, открыв рот, и почувствовал, как кровь приливает к щекам.

— Это мамина, — признался он, потирая затылок. — Ну... и я хотел, чтобы тебе было удобно, и... — он сбился и выдохнул. — Прости, если это выглядит глупо.

Но Джейн только улыбнулась, теплее и мягче, чем прежде, и покачала головой.

— Это не глупо. — Она опустила на сиденье и потянула ремень безопасности, который застрял. — Это мило. Что ты так стараешься.

Билл обошёл машину, сел за руль и, взглянув на неё, почувствовал, как тяжесть уходит с плеч. Она не смеялась над ним. Она была здесь. И это было важнее всего.

Он повернул ключ зажигания, и двигатель негромко заурчал. Машина мягко тронулась с места, оставляя колледж позади. Он чувствовал её взгляд на себе, пока они ехали по залитым солнцем улицам, и этот взгляд наполнял его невероятным, почти забытым чувством: он был счастлив.

— Ты голодна? — спросил он, покосившись на неё.

— Всегда, — ответила она, улыбнувшись. — Но если ты планируешь кормить меня, предупреждаю: я выносливая.

— Тогда держись, — он улыбнулся, и в его голубых глазах заплясал задорный огонёк. — Я знаю одно местечко. Там лучшие бургеры в городе.

— Если это окажется правдой, — Джейн откинулась на сиденье и прикрыла глаза, — я согласна на второе свидание.

Он засмеялся, и ветер в открытое окно трепал его волосы. Впервые за последние три дня он чувствовал, что всё — абсолютно всё — идёт правильно.

— Тогда приготовься, Джейн. Сегодня я тебя удивлю.

Они ехали вперёд по залитым солнцем улицам, и в этом моменте было всё: и тишина, и смех, и трепетное ожидание того, что будет дальше.

Они вышли из небольшого кафе, держа в руках стаканчики с лимонадом, и медленно направились в сторону парка. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тёплые золотистые тона, а лёгкий ветерок доносил запах цветущих деревьев. Билл чувствовал, что рядом с ней даже воздух кажется другим — чище и слаще.

— Спасибо за бургеры, — сказала Джейн, бросив на него быстрый взгляд. — Это было вкусно. Честно.

— А я говорил, — ответил он с улыбкой, пытаясь скрыть довольство. — Лучшие в городе.

Они вошли в парк, где густая зелень старых деревьев создавала естественный полумрак, а дорожки терялись в тени. Где-то вдалеке играла музыка, слышался детский смех, но здесь, на этой аллее, было почти безлюдно и тихо. Только они двое.

Джейн шла чуть впереди, иногда оглядываясь на него, и Билл смотрел на её волосы, переливающиеся в лучах солнца. Она казалась ему нереальной — как картинка, которую можно лишь рассматривать, но не трогать.

— Расскажи мне, — начала она неожиданно, останавливаясь и поворачиваясь к нему лицом. — Чем ты занимаешься на ферме? Я правда хочу знать.

Билл слегка растерялся, не ожидая такого вопроса. Он привык, что в городе никто не интересуется его работой — для всех она казалась чем-то примитивным и скучным.

— Ну, — начал он, потирая затылок, — это не очень интересно. Кормлю животных, чищу стойла, проверяю урожай. У нас небольшое хозяйство: коровы, быки и пара лошадей. И поле, где я помогаю с сеном.

— Это не скучно, — сказала Джейн серьёзно, и её глаза вдруг стали мягче. — Это звучит... настояще. Ты что-то создаёшь. Работаешь с землёй и животными. Это же целый мир.

Билл удивлённо посмотрел на неё и чуть склонил голову.

— Ты правда так думаешь? Обычно люди говорят: «Фу, грязь, коровы, рано вставать».

— Они просто не знают, — Джейн пожала плечами и продолжила идти, замедляя шаг, чтобы он поравнялся с ней. — Расскажи про лошадей. Они красивые?

— Да, — ответил он, и в голосе зазвучало тепло. — Белая лошадь по кличке Снежинка. Она моя любимица. Ей уже двенадцать, мы взяли её, когда я был маленьким. Она любит, когда её гладят по морде, и не любит дождь.

Джейн улыбнулась и остановилась у старого дуба, прислонившись к стволу.

— А ты никогда не хотел уехать? — спросила она тихо, глядя на него в упор. — Уехать в город, устроиться в офис, носить галстуки?

Билл фыркнул:

— Нет. Скорее умру, чем надену галстук. Я люблю ферму. Это моё место. Там я дышу настоящим. — Он замолчал и, помедлив, добавил: — Но... я никогда не думал, что встречу кого-то, кто захочет это услышать.

Она смотрела на него, и в её взгляде не было насмешки — только тихое, тёплое любопытство.

— Ты удивительный, Билл, — сказала она почти шёпотом. — Ты знаешь? Я всё ещё ищу своё место. Иногда мне кажется, что я теряю что-то внутри, не могу понять, куда двигаться дальше. А ты — ты нашёл. И это... это вдохновляет.

Он не знал, что ответить. Слова застревали где-то в груди, и он просто смотрел на неё, не веря, что этот вечер — реальность.

— Можно я покажу тебе ферму как-нибудь? — вырвалось у него, и он тут же испугался, что сказал слишком рано. — Не на первом свидании, конечно, — добавил он быстро, — но... когда-нибудь.

Джейн улыбнулась, и в её глазах заплескались золотистые искорки:

— Если там есть Снежинка и вкусные бургеры по дороге — я согласна.

Он рассмеялся, и смех разлился по аллее, спугнув пару голубей с ветки. Она последовала его примеру, и в этот момент Билл понял: ему нужно только одно — видеть её счастливой.

Они пошли дальше, плечо к плечу, и разговор перекинулся на другие темы: о её учёбе, о его планах, о книгах, которые они любили, и о том, что, возможно, у них больше общего, чем им казалось в тот вечер на концерте.

Аллея заканчивалась, и впереди уже виднелся выход из парка, но Билл замедлил шаг, не желая, чтобы этот день заканчивался.

— Знаешь, — сказал он, глядя на неё, — я никогда не думал, что смогу с кем-то так просто разговаривать. Так честно. Спасибо, что спросила.

— Я всегда буду спрашивать, Билл, — ответила она просто и легко. — Потому что мне правда интересно.

И они вышли из парка, держась чуть ближе, чем час назад, в вечерний город, который уже зажигал свои огни.

Глава 3

Глава 3

Прошло чуть больше недели с их первой встречи у колледжа. Они созванивались почти каждый вечер — иногда на несколько минут, иногда на час, когда мама уже ложилась спать, и Билл мог говорить свободно. Он ловил каждое её слово, представляя, как она улыбается на том конце провода, и понимал, что никогда не ждал звонка так сильно, как теперь.

И вот в субботу утром, когда небо было чистым и ярким, а воздух пах свежестью, Билл стоял у ворот фермы и ждал её. Он надел свою лучшую рабочую рубашку, но всё равно выглядел немного взволнованным. Джинсы были чистыми, сапоги начищены — он готовился к этому дню с особым трепетом.

Машина Джейн, с характерным урчанием двигателя, подъехала к воротам, Билл почувствовал, как сердце ёкнуло. Джейн вышла из машины, шурясь от солнца и улыбаясь ему.

— Привет, фермер, — сказала Джейн, остановившись напротив него. — Ну что, показывай своё королевство.

Билл улыбнулся, и они пошли вместе по тропинке вглубь фермы. Он показывал ей амбары, поле, загоны с коровами, и Джейн слушала его с живым интересом, задавая вопросы и не отводя взгляда. Она смотрела на его руки, на то, как он уверенно открывал ворота и гладил животных, и в ней росло понимание: этот человек — часть этой земли, и это делает его особенным.

Они подошли к загону, где паслась Снежинка. Белая лошадь, услышав шаги, подняла голову и фыркнула, узнав его.

— Она тебя помнит, — сказала Джейн, восхищённо наблюдая.

— Конечно, — ответил Билл, подходя к ней и поглаживая по шее. — Она у меня с детства. Самая верная.

Джейн медленно протянула руку, и Снежинка, будто почувствовав её доброту, ткнулась носом в ладонь. Она тихо рассмеялась, и этот смех разлился вокруг, словно тёплый свет.

Они сидели на траве рядом с загонем, смотрели на облака и слушали, как ветер шумит в листьях. И в какой-то момент, когда тишина стала особенно уютной, Джейн спросила:

— А где твой отец, Билл? Ты никогда о нём не говоришь.

Он замер. На мгновение его лицо изменилось — стало серьёзнее, словно он пытался собраться с мыслями.

— Его нет, — сказал он тихо. — Он умер, когда мне было девять.

Джейн не отвела взгляда. Она смотрела на него с мягким, тёплым вниманием, позволяя ему говорить столько, сколько он захочет.

— Я его плохо помню, — продолжил Билл, вертя в руках травинку. — Только отдельные вспышки: как он смеялся, как учил меня держать инструменты. Он работал на этой ферме. Всю жизнь. А потом попал в аварию — возвращался с рынка поздно вечером... — Он замолчал, ломая травинку в пальцах. — Мама растила меня одна с тех пор. Мы справлялись.

Джейн накрыла его руку своей ладонью. Её пальцы были тёплыми и мягкими, и Билл почувствовал, как внутри разливается что-то успокаивающее.

— Он был хорошим человеком? — спросила она тихо.

— Да, — ответил он, и голос его окреп. В детстве мой отец всегда был занят работой, но он старался не забывать про нас, всегда заботился и любил. Он научил меня самым важным

вещам в жизни: добру, взаимопомощи и справедливости по отношению к окружающим. Мой отец был человеком твердых убеждений и принципов, никогда не позволял себе их нарушать. Его слова были законом, и обещания он всегда выполнял. Он не мог пройти мимо нуждающегося, а главной чертой его характера было то, что он видел хорошее даже в тех, кто уже не заслуживал внимания. Вот таким был мой отец!

Мне иногда казалось, что он строг с нами, но на самом деле был справедлив и добр. Вспоминая один случай с рождественских каникул, когда мы все весело отмечали Рождество, в доме царил праздник. Отец мог выпить, но никогда не напивался, в отличие от своего друга, который был страстно увлечен алкоголем. Этот приятель начал вести себя неподобающим образом, громко разговаривать, смеяться и приставать к матери, пока отец был на улице. Мне тогда было около пяти, и я знал, что должен заступиться за маму, несмотря на свой страх и возраст. Мистер Грин не обрадовался моему поведению и попытался поднять на меня руку, но в этот момент пришел отец, уложил его одним ударом правой и спас нас с мамой. Пока мистер Грин приходил в себя на диване с льдом на голове, отец наклонился ко мне и произнес важные слова, которые я запомнил на всю жизнь:

- Сынок, не бойся, никогда не бойся! В тот день, когда ты проявил всю свою смелость и храбрость, чтобы защитить маму от обидчика, даже несмотря на свой возраст, я горжусь тобой, Бил! - сказал мистер Уилсон.

В тот день я понял, что никогда не посмею разочаровать отца, и я очень благодарен ему за всё, что он сделал для меня и нашей семьи.

Я храню его старую шляпу — она висит у меня в комнате. Иногда я смотрю на неё и думаю, что он всё ещё здесь.

- У тебя замечательный пример того, каким должен быть отец и мужчина в семье, - сказала Джейн.

Она перевела взгляд на ферму, на поле, на дом, виднеющийся вдалеке, и её голос зазвучал мягко и серьёзно:

— Ты похож на него, Билл. По тому, как ты говоришь о ферме, по тому, как ты заботишься о животных... по тому, как ты смотришь на мир. — Она улыбнулась ему сквозь лёгкую грусть. — Он воспитал хорошего сына.

Билл не нашёл слов. Он смотрел на неё, чувствуя, как что-то внутри него расслабляется, как уходит тяжесть, которую он носил годами.

— Спасибо, — сказал он хрипло. — Я никогда не говорил об этом с кем-то, кроме мамы.

— Я рада, что ты сказал, — ответила она, сжимая его руку чуть крепче. — И если захочешь ещё — я здесь.

- Ты права, но, к сожалению, после смерти отца мама изменилась. Она стала более серьёзной и закрытой; эмоции она скрывает за едва заметной улыбкой. Все свои страхи и переживания она носит в себе, часто смотрит вдаль, пытаясь найти что-то важное, но ей не удается. В целом она приветливо и общительно относится к окружающим, но наедине со мной становится холодной и недоступной. Пока Бил рассказывал, Джейн вгляделась в его черты лица: ярко-голубые глаза, спокойная и непринужденная речь говорили о нем как о рассудительном и уверенном в себе человеке.

- Да, семейные ценности действительно важны. Каждое из наших родителей вносит вклад в нашу жизнь, направляя нас на истинный путь.

- Интересно, Билл, как разные семьи формируют нас. У меня всё было иначе. Мои родители также были заняты и погружены в работу: отец занимался семейным бизнесом, а мама помогала ему в роли секретаря. Безусловно, я была обеспечена: каждое лето мы выезжали за границу, одевалась в дорогих бутиках, любой каприз был удовлетворен, за исключением недостающего времени, которое не могли дать мне родители. Я редко видела их дома и не помню почти дня, когда мы были вместе. Они не уделяли должного внимания и заботы, и мои мечты

никто не поддерживал, кроме моей бабушки – самого дорогого человеку, который понимал меня по-настоящему. Я очень любила проводить с ней время. Возможно, именно поэтому я выросла другой, непохожей на своих родителей. Она научила меня видеть красоту в простых вещах, делать выводы и судить людей по их поступкам, а не по внешнему виду, помогать и защищать слабых. Её истории из молодости, которые она любила рассказывать, я всегда внимательно слушала, до сих пор помню их слово в слово. Знаешь, одна из моих любимых – это их знакомство с дедушкой.

Итак, слушай: 17 июня 1959 года они готовятся защищать диплом, работа горит, время поджигает. После успешной защиты их компанию друзей решают пойти в один из баров. Моя бабушка уже тогда обратила на него внимание, ждала, когда он подойдет, но, как и всем мужчинам, ему было страшно это сделать. В этот момент к ней начал приставать один из молодых людей. Мой дедушка, хоть и боялся подойти, не мог позволить никому обидеть бабушку. Помимо успехов в учебе, мистер Джеймс занимался единоборствами, и как же вовремя он подрос к ней. Завязалась драка; несмотря на то, что у него был разбит нос, в тот вечер мистер Джеймс вышел победителем дважды: как в драке, так и в любви. Именно тогда искра пробежала между ними и продолжала светить до их последних дней. Вот именно для меня, Бил, они являются примером истинной любви между мужчиной и женщиной, которая должна присутствовать в семье.

- Несмотря на разные семьи, у нас много общего. Спасибо, что поделилась со мной, было приятно тебя слушать.

Они ещё долго сидели молча, глядя на облака, и в этом молчании было больше смысла, чем в тысяче слов. А потом Билл поднялся, протянул ей руку и улыбнулся.

— Пойдём, я покажу тебе, где мы храним сено. Там есть кошка с котятками.

Джейн улыбнулась и вложила ладонь в его — доверчиво, словно делала это всю жизнь.

И они пошли дальше по тропинке, держась за руки, оставляя за спиной и грусть, и боль, и открывая новую главу — вместе.

Провожая её домой, Билл чувствовал, как в груди разрастается что-то тёплое и трепетное. Они остановились у крыльца, и тишина между ними стала особенной — наполненной недосказанными словами и несмелыми желаниями. Он смотрел в её глаза, погружаясь в их глубину, и хотел лишь одного: наклониться и поцеловать её.

Джейн чувствовала то же самое. Сердце билось быстрее обычного, а где-то внутри зрела мысль, что сейчас — тот самый миг. Но она медлила. Ей нужно было услышать его, почувствовать, что он хочет этого так же сильно. Она опустила взгляд и начала рыться в сумке в поисках ключей, которые предательски звенели в дрожащих пальцах, нарушая хрупкую тишину между ними.

— До встречи, Билл! — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Было приятно пройтись с тобой и узнать о тебе так много хорошего. Можем повторить в следующий раз?

Она уже повернулась к двери, когда Билл вдруг понял: он больше не может ждать. Не может позволить этому вечеру закончиться просто так, без того самого момента, который он представлял себе все эти дни.

— Джейн, — тихо позвал он. Она обернулась. Он сделал шаг к ней, коснулся её локтя, притянул за талию ближе и заглянул в глаза. В них отражался свет уличных фонарей, и в этом взгляде было всё: и сомнение, и надежда, и то, что словами не передать.

Биллу хотелось остановить время. Чтобы этот миг длился вечность — когда он держит её в руках, чувствует её тепло, видит, как её ресницы чуть подрагивают. Весь мир сузился до одного лишь взгляда. Существовали только они двое и та тишина, что звенела между ними, как натянутая струна.

Он медленно наклонился, и их губы встретились. Легко, несмело, словно боясь спугнуть это чудо. Как две капли дождя, что соединяются на стекле. Как два лепестка жасмина, исто-

чающих сладкий, пьянящий аромат. Руки Билла дрожали от волнения, а сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук слышен всей улице. Они не спешили отстраняться. Время словно растворилось, оставив лишь это прикосновение, этот вкус, это дыхание, слившееся в одно. Когда они нашли в себе силы оторваться друг от друга, их взгляды пересеклись, и на лицах непроизвольно заиграли робкие, счастливые улыбки.

В тот миг они поняли: это только начало. Их история только пишется, и впереди их ждёт ещё множество таких же тёплых, бесконечных, наполненных радостью мгновений. А пока они стояли у крыльца, держась за руки, и тишина вокруг больше не казалась пустой — она была полна обещаний.

Романтично попрощавшись, Билл отпустил Джейн домой. Помахав ему, они разошлись по своим домам. Возвращаясь по центральной улице, Билл словно шёл в тумане, ничего не замечая: ни проезжающих машин, ни прохожих, и вот он уже лег на кровать. Только начал приходить в себя, постепенно возвращаясь в реальность. Билл давно не чувствовал себя таким счастливым и нужным. В его голове строилось миллион мыслей о Джейн, и вскоре он заснул.

Тем временем, пока Билл возвращался домой, Джейн вошла в дом и прислонилась спиной к закрытой двери, задерживая дыхание. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, а на губах горел его поцелуй — мягкий, тёплый, будто оставивший невидимый след на её коже. Она медленно выдохнула, прижимая ладонь к груди, и улыбнулась своим мыслям.

В прихожей было тихо и темно. Только из гостиной пробивался слабый свет: мама, видимо, уже легла спать, оставив для неё настольную лампу. Джейн скинула туфли, повесила сумку на крючок и прошла в свою комнату, стараясь ступать бесшумно. Но даже тишина казалась ей наполненной — его голосом, его смехом, его глазами, в которые она смотрела всего несколько минут назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.